

«ПОРТРЕТ» СРЕДНЕВЕКОВОГО УЧЕНОГО В ТРАКТАТЕ ПЕТРАРКИ И ЭПИГРАФЕ ПИНИТИАНА К НЕМУ (по диалогу «Об алхимии»)

*(Статья написана при финансовом содействии
РГНФ. Пр.14-01-00509)*

В статье исследуется диалог знаменитого итальянского поэта и гуманиста Франческо Петрарки (1304-1374), пока не изученный в литературе. Автор статьи выявляет особенности восприятия алхимии как науки современниками гуманиста и автором автографа к диалогу Пинитиана (1478-1542) – немецкого поэта-лауреата и педагога.

Ключевые слова: Петрарка, Иохан Пинитиан, трактат Петрарки «О средствах против всякой судьбы», Германия, Реформация, история алхимии, восприятие ученых-алхимиков в XIV веке.

История науки, как и история дипломатии, нередко ставит неожиданные вопросы, задает сложные загадки, ответы на которые оказываются актуальными и для современности.

Это в полной мере относится к теме статьи. В ней исследуется диалог знаменитого итальянского поэта и гуманиста Франческо Петрарки (1304-1374). Диалог входит в состав большого латинского трактата, который назван «О средствах против превратностей судьбы» и был создан в зрелый период творчества его автора, в 1354-1366 годах, содержит 254 диалога. Интересующий нас текст пока в литературе практически не изучен. Между тем в нем обсуждаются вопросы, важные не только для постижения истории средневековой науки, но и для понимания миссии ученого, меры его ответственности перед отдельными лицами

**ДЕВЯТАЙКИНА Н.И.,
доктор исторических
наук, профессор
кафедры «Менеджмент
туристического
бизнеса»
Саратовского
государственного
технического
университета
имени Ю.А.Гагарина**

и обществом за взятые обязательства. Пока в литературе нет ни прорисовки полного «портрета» алхимика эпохи Петрарки, ни выявления особенностей восприятия алхимии как науки современниками гуманиста.

Совершенное молчание остается констатировать по поводу второго сюжета статьи – эпитафия Пинитиана. Поясним, что Пинитиан (1478-1542) – немецкий поэт-лауреат и учитель латинского языка частной школы Аугсбурга. Он публиковал латинские стихи, был автором школьных учебников по латинской грамматике, составителем латинско-немецких словарей, вел переписку с разными деятелями своего времени. В конце 1520-х годов к нему обратился немецкий издатель трактата Петрарки с предложением написать к диалогам эпитафии. Пинитиан откликнулся и написал ко всем диалогам латинские эпитафии в две строки каждый. Не исключено, что это единственный случай в истории литературы, когда эпитафии созданы другим автором, да еще и через полтора столетия после основного текста.

Сам трактат Петрарки переживает ныне прилив интереса научной общественности. Это связано как с его содержанием, так и с важным событием в области изучения раннего Ренессанса: недавним переводом трактата на французский язык и обширной двуязычной научной публикацией, предпринятой Кристофом Карру. Она дала в руки авторам не только выверенный текст, но и содержательные комментарии¹. Для понимания текста также важны труды В. Фиска, Ф. Дикстры, Ю. Шпишки М. Лентцена, П. Лурдена².

Что касается интересующего нас диалога, то он включен в состав первой из двух книг трактата³. Текст можно назвать одним из самых коротких в нем (чуть больше двух современных стандартных страниц). Лапидарность достигается за счет того, что автор не делает ни одной привычной для его манеры письма литературной отсылки к сочинениям древних; вкладывает в уста участников беседы содержательные, но краткие заявления или реплики; ограничивается краткой же адресацией к опыту современников, вроде слов «это мы часто видели», «ничего нового я не рассказываю». Добавим, что разговор ведут аллегорические персонажи Надежда (Spes) и Разум (Ratio). Оба персонажа – представители мужского мира. Очень часто Разум служит «рупором» самого автора, а его собеседник представляет самых разных персон – от раба до знатного дворянина, от моряка до прави-

теля. В данном случае Надежда «раздваивается»: он делает заявления то имени заказчика алхимика, то от имени самого алхимика. Иными словами, диалог рисует два портрета. В центре статьи будет алхимик.

Попытаемся выявить, насколько алхимия увлекла современников Петрарки, к разряду каких занятий он сам ее относил, какими представлены под его пером алхимии и какими – их заказчики в контексте эпохи, наконец, что отразил эпитафия Пинитиана.

Начнем с того, что весь диалог фиксирует «повальную» (в определенных кругах, конечно) увлеченность алхимией. Разум, формально беседуя с Надеждой, собеседником в единственном числе, с первых же слов переходит на множественное число и говорит о «вас», «других», «многих», «некоторых», «слепцах», имея виду тех, кто тянется к алхимии, верит алхимикам и пр. «Лежит душа к алхимии» и у Надежды. Становится ясно, что Разум констатирует такой мотив обращения к алхимии как увлеченность, расположенность, интерес. Дальше он рассуждает о богатых и бедных, благо разумных и неосмотрительных, равно теряющих голову в случае с алхимией, что показывает масштабы интереса в обществе. При этом алхимики, судя по репликам Разума, действуют публично, в широких коммуникациях, если употребить современное понятие, обещая многое, больше всего – золото; они подкрепляют обещания «святыми клятвами», в их домах вращается много «удивительных гостей». Это может служить одним из свидетельств того, что опыты их притягательны и популярны. Возможно, «удивительные гости» разносят молву по городу, умножая будоражащие слухи.

Как можно видеть, средневековая вера в чудо нашла здесь обильную пищу, тем более, что алхимики, по словам Разума, называют многих свидетелей успешности их действ. Сами алхимики тоже действуют в ментальных форматах века – дают такие серьезные клятвы, которым не могут не верить и сами, не только публика. Собственно, Петрарка, судя по всему, тоже заглядывал в дома к алхимикам. Его Разум перечисляет вещества (душистая вода, нездешние соли, сера, ртуть), оборудование (дестилляторы, чаши, сосуды, тазы) приспособления и рабочие инструменты (горны, мехи, щипцы, «удивительные устройства»). Иными словами, перед нами «интерес века».

Как же Петрарка определяет, что есть алхимия? В диалоге за этим понятием стоит два, если

не три, смысла. Во-первых, некое действие. Половина реплик Надежды свидетельствует именно об этом. Его первая фраза («Я надеюсь на благоприятный исход алхимии») повторяется дважды⁴. Ясно, что речь идет об опытах, ожидании их обнадеживающих результатов. Во-вторых, в устах Разума несколько раз звучит слово «искусство» (*ars*) в приложении к алхимии. Это «искусство» можно «изучать», им можно «заниматься». Привычный для обозначения средневековых наук, университетских и школьных «дисциплин» термин «*ars*» вставляет алхимию в ряд «механических искусств» и тем самым, казалось бы, свидетельствует о признании. Но не все так просто. Разум бросает в середине разговора фразу «Другие...., занимаясь своим учением, превратились почти в дикарей»⁵. «Свое учение» обозначено через слово «*haeresis*», которое уже у поздних греческих авторов в одном из значений употреблялось как «секта». А для века Петрарки слово не могло не нести в себе средневеково-церковного значения, пришедшего в русский язык как «ересь». Это не означает, конечно, что гуманист по-инквизиторски хотел отнести алхимиков к еретикам. Он тому не развивает, разве что несколько раз говорит о «слепоте», «безумствовании», «утрате зрения души», т.е. использует словарь, который был привычен при осуждении еретиков XII-XIV в.

Однако и этим дело не заканчивается. Разум дает алхимии четкое «определение»: «А искусство алхимии, как ты, конечно, помнишь, мы называем ничем иным, как искусством лжи и обмана»⁶. В этом определении кроется загадка: кто такие «мы»? Критики алхимии? Интеллектуалы типа Петрарки? Почему об этом обязательно должен «помнить» собеседник Разума? Он-то алхимии верит. Прямого ответа нет. Похоже, перед нами один из приемов, к которым нередко прибегает автор трактата, который можно назвать перетаскиванием читателя на свою сторону, словно Надежда уже на ней. Но главное, в этом определении алхимия как учение превращается в алхимию как лжеучение, как ложную «дисциплину». Собственно, именно этот оттенок в совокупности реплик и становится превалирующим, «смягчая» противоречие в определениях.

Какими же Петрарка рисует алхимиков? Начнем с визуального образа, который собирается из нескольких характеристик, данных Разумом на протяжении беседы. Алхимики имеют «жалкий (*mestos*) и беспокойный вид», «заняты тяжелым

трудом», «озабочены мыслями только о мехах, щипцах и углях», «изнурены раздуванием огня», «закопчены гарью», «опалены пламенем», с «туманом в глазах», порою даже «утраченным телесным зрением»; они «превращаются почти в дикарей». К этим характеристикам добавляются замечания, что алхимики «погружены в свои размышления», думают (*cogitant*) над опытами.

Описание по воле автора (или вопреки ей) рисует коллективный портрет «мучеников науки», увлеченных, стремящихся к открытиям, положивших жизнь и здоровье на опыты, чем заведомых шарлатанов. Эти «мученики» отказывают себе во многом ради науки. Такое возможно только при убеждении, что открытия не заставят себя ждать, они просто впереди.

Если вспомнить о времени Петрарки, подобная вера рождалась не на пустом месте. Она вписывается в контексты обновления общественной, прежде всего, городской жизни и трудов. Черты этого обновления проступают в самых разных областях – от удивительных успехов в сукноделии и торговле, восхищавших хронистов вроде Виллани, до не менее поразительных построек, произведений литературы и искусства, путешествий в далекие края и открытий многих новых краев. Не меньше такая вера связывается и с темой опыта, все чаще объявляемого главным источником знания и учителем жизни. Сам Петрарка беспрерывно апеллирует в трактате именно к опыту, пусть нередко житейскому, как это происходит в рассматриваемом диалоге.

Однако, как и в случае с рассуждениями об алхимии, портрет алхимика у Петрарки раздваивается. Приведем две короткие цитаты. Его Надежда как заказчик верит в успех дела всерьез: «Я надеюсь на золото, обещанное знатоком алхимии». Разум парирует: «Важно, что обещает этот знаток; есть такие, чьим обещаниям верить нельзя»⁷. Итак, Разум не отрицает, что среди алхимиков есть «знатоки»; более того, если есть такие, которым «нельзя верить», значит, есть и такие, которым можно. Подтекст рисует нам неоднозначную картину – есть ученые алхимики, есть псевдоученые.

Для обрисовки социально-статусной стороны красок в портрет почти не добавляется. Даже неясно, имеет ли алхимик отношение к университетской среде; Надежда, который под чьим-то руководством изучал алхимию, также не говорит о себе как о студенте, бакалавре или магистре.

Имущественный статус гораздо яснее: по Петрарке-Разуму алхимия доводит всех до бедности,

лишает «даже необходимого», вводит в убытки, алхимики в свой бедности (inopiam) «достойны жалости». Более того, алхимия превращает неудачников в маргиналов, которые находят компанию в лице воров, пьяниц, мошенников или им подобных, а то и сами опускаются до преступлений. Разум не без иронии «протрезвляет» Надежду: «Тот, кто обещает тебе свое золото, неожиданно сбежит с твоим»⁸. Больше и жестче в диалоге Разум говорит об алхимиках именно как о людях без добродетелей, совести, чести, подверженных алчности.

Обратимся теперь коротко к вопросу о том, что же выбирает из всего диалога для двух строчек эпиграфа его автор Пинитиан? Эпиграф звучит так:

*Это искусство для многих,
бывало, несло лишь обманы.*

Да и алхимик подчас был ненавистен для всех.
(Пер.с лат. Л.М. Лукьяновой)⁹

Эпиграф вводит в некоторое замешательство. Ясно, что автор подхватывает тему Петрарки об алхимии как «искусстве» и лже-«искусстве», несущем обманы «многим»; определением «ненавистен» он обозначает словно бы еще более глубокий уровень неприязни к алхимику со стороны общества, чем в основном диалоге. Но при этом речь идет словно о прошлом. Получается, что у Пинитиана в его век словно бы складывалось другое отношение к алхимии. Возможно, так оно и было. Усилиями ученых и медиков, вроде знаменитого Парацельса (1493–1541), современника создателя эпиграфов, алхимия обрела авторитет важнейшей для дела здоровья науки. Благодаря алхимикам медицина получила многие новые лекарства от неизлечимых прежде болезней и выказывала, судя по свидетельствам того же Парацельса, перспективы развития в этом направлении. Ее предписаниям по части употребления даже таких серьезных веществ, как ртуть, следовали очень доверчиво. В XVI в. выпускались сборники алхимических рецептов, на миниатюрах изображались авторитеты алхимии, мудрые и бородатые. Потому-то для Пинитиана рассуждения и осуждения диалога Петрарки могли восприниматься как «прошлое» алхимии. Отсюда и могла проистекать некая вялость слога и неопределенность позиции.

Подведем некоторые итоги. Из каждой фразы диалога Петрарки глядит эпоха: желание быстро разбогатеть, доверие к ученому слову, сродни вере в чудо, восприятие золота как вещественного сим-

вола успеха и удачи, честные и «грязные» прибыли, убытки и разорения – все это становилось свидетельствами того времени, первоначального накопления капитала, с которым совпало рождение Ренессанса и творчество Петрарки.

Одной из сквозных тем диалога оказывается прорисовка «линии» жизни и судьбы новичка – алхимика, да и всех алхимиков вообще: от богатства/денег заказчиков к убыткам и «озабоченной бедности»; от «нормального» дома – к грязной лаборатории, набитой всякими устройствами, от которой один шаг к сомнительному прибежищу с дурной славой; от «нормального» физического и умственного состояния – к слепоте, помрачению рассудка, непристойным речам; от славы и образа жизни уважаемого человека к бесславию шарлатана и образу жизни ночного вора.

Эта «линия жизни», протянутая в тексте и подтекстах диалога, категорически противоречит тому, что рисуют в своих мечтах те современники Петрарки, которые поверили алхимии и увлеклись ей. Картинка-линия порождает вопрос: если все так, как изображено, то чем кормилась столь явная увлеченность алхимией, которую наш автор выразительно изображает; если все не так – откуда такая обличительная сила слов Разума, ссылки на реальные свидетельства, ирония, насмешка, сарказм, сатира, но и – отдадим должное – явное сочувствие к «новичкам», желание их предостеречь от рискованного шага.

Скорей всего, у самой картинке две стороны, диалог отразил две «правды», одна из которых противоречит другой, но обе впитали в себя факты времени.

Неясно также, справедливо ли записать Петрарку в «ретрограды, коли он отмечает алхимию и не видит за ней ясного будущего, или, скорее, его следует отнести к числу критиков, которые разворачивали науку от химерического, недостижимого на тот момент поиска путей получения золота или философского камня к насущным вопросам дня. В том числе и тем, по поводу которых Парацельс позже призывал: «От золота к здоровью».

Нельзя не обозначить этические моменты диалога, поскольку именно этика была строжайшим ренессансного гуманистического учения об обществе, мире и человеке со времен Петрарки, его зачинателя. Традиционная христианская составляющая присутствует слабым фоном, вроде упоминания о помощи беднякам, привычном осуждении алчности (одного из семи смертных грехов),

а также лжи. При этом нельзя не видеть, что на протяжении всего диалога самые мощные акценты падают на светскую этическую составляющую темы: добродетель-доблесть, честность, благородство, ответственность по-гуманистически представляются как главные измерители поведения и действий человека.

Наконец, нельзя не отметить особо, что в XIV в. Петрарка начал (или продолжил) обсуждать

важнейший вопрос, связанный с принципами, моделью поведения ученой личности, заявив через характеристику «знатока»-алхимика, что в этом поведении не должно быть места шарлатанству, выдаванию желаемого за действительное, «грязным» методам добывания денег, дурной славе.

Как показывает жизнь, актуальность этих заявлений не исчерпалась донине.

ССЫЛКИ:

¹ Petrarque Fr. Les remedes aux deux fortune / Texte et trad. par Ch. Carraud. Paris, 2002. Voll. 1-2.

² Fiske W. Petrarch's treatise «De remediis utriusque fortunae», text and versions. Firenze, 1888; Diekstra F. N. M. A Dialogue between Reason and Adversity. Assen, 1968; Špička J. Strategie dialogu v Petrarkově «De remediis», Brno, 2005 (diss.); Lentzen M. La fortuna del De remediis utriusque fortunae del Petrarca nei Paesi di lingua tedesca: Sebastian Brandt e il Petrarca // Francesco Petrarca: L'opera Latina: tradizione e fortuna. Atti del XVI Convegno internazionale (Chianciano-Pienza, 19–22 luglio 2004) / A cura di Luisa Secchi Tarugi. Firenze, 2006. – P. 361-372; Laurdens P. Un aspect de la fortune du De remediis de Petrarque en Europe du Nord: de l'illustration à la mise en emblèmes // Francesco Petrarca, da Padova all'Europa: atti del convegno internazionale di studi 17–18 giugno 2004 / A cura di G. Belloni et al. Roma, 2007.

³ Petrarca Fr. De alchimia // Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae, I, 111. Cremona, 1492. – P. 237-239.

Далее диалог будет цитироваться по этому изданию. В виду его краткости страницы будут называться только при цитировании больших отрывков текста.

Все цитаты на русском языке даются в переводе Л.М. Лукьяновой, завершившей в 2013 году работу над полным переводом трактата.

⁴ Petrarca Fr. De alchimia: «Spero alchimie prosperos exitus»; Spero alchimie successum; P. 237.

⁵ Ibid. P. 238: «...nec aliis quam sue heresis convivere didicerunt, in silvestres pene homines evasisse» .

⁶ Ibid. P. 238: ars nempe quam memoras nullam est, nisi mentiendi artem dicimus ac fallendi.

⁷ Ibid. P.238: S. – Promissum ab artefice aurum spero.

R. – Refert cuius artis artifex quid promittat. Sunt quibus promittentibus nihil credi possit eoque minus si promissum iusiurandi religione firmaverint.

⁸ Hic qui tibi aurum suum spondet, cum tuo auro improvisus aufugiet.

⁹ Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae, I,111. Bern, 1610. P. 347: Imponit multis ars alchumistica fallax / Auctorem invisum reddit et ipsa suum.

Devyataykina N. I. «Portrait» of the medieval scientist in the treatise by Petrarch and Pinitian's epigraph to it (dialogue «About alchemy») / Yuri Gagarin State Technical University of Saratov.

The author researches the dialogue of the well-known Italian poet and humanist Francesco Petrarch (1304-1374) which isn't studied in literature yet. Features of perception of alchemy as science by contemporaries of the humanist and the author of the autograph to dialogue by Pinitian (1478-1542, German poet and teacher) are revealed in the article.

Keywords: Petrarch, Iohan Pinitian, Petrarch's treatise «Phisicke Against Fortune», Germany, the Reformation, history of alchemy, perception of scientists-alchemists in the XIV century.

Дев'ятаякіна Н.І. «Портрет» середньовічного вченої у трактаті Петрарки та епіграфі Пінітіана до нього (за діалогом «Про алхімію»)/ Саратовський державний технічний університет імені Ю.О. Гагаріна.

У статті досліджується діалог знаменитого італійського поета і гуманіста Франческо Петрарки (1304-1374), поки не вивчений в літературі. Автор статті виявляє особливості сприйняття алхімії як науки сучасниками гуманіста і автором автографа до діалогу Пінітіана (1478-1542) – німецького поета-лауреата і педагога.

Ключові слова: Петрарка, Йохан Пінітіан, трактат Петрарки «Про засоби проти всякої долі», Німеччина, Реформація, історія алхімії, сприйняття вчених-алхіміків в XIV столітті.

Стаття надійшла до редколегії 21.04.2014

Прийнята до друку 23.05.2014